

Глава 11. Одиннадцать миллионов

— О чём ты только думаешь? — недоумевал Се Цзян.

— Раз уж я решил вернуться, Лэлэ всё равно рано или поздно выследят папарацци, — ответил Нин Цзань. — И вместо того чтобы ждать, пока репортёры сделают сенсацию, лучше мне самому сыграть на опережение.

Разумеется, заявляя во всеуслышание о сыне, он руководствовался не только желанием стать козлом отпущения. Прежде всего он хотел раз и навсегда избавить себя от возможных проблем в будущем.

— Но заявить об этом прямо сейчас... Это же удар по твоей репутации, — сокрушённо вздохнул Се Цзян. За все годы его работы единственным подопечным, за кого он так отчаянно переживал, всегда был Нин Цзань.

— Пусть лучше сейчас пошумят, чем потом, когда я вернусь к работе, прохождению давать не будут, — с лёгкой усмешкой возразил тот.

Се Цзян на мгновение задумался, осознав всю глубину расчёта своего друга. Он невольно покачал головой и усмехнулся:

— Ну и самоуверенность. Ты только-только объявил о возвращении, а уже переживаешь, как бы тебя не замучили назойливые журналисты. Будь на твоём месте кто-то другой, его бы подняли на смех за такое хвастовство.

Нин Цзань прекрасно понял шпильку, но лишь весело фыркнул:

— Раз уж пришёл в шоу-бизнес, глупо не стремиться к вершине. Не ради того же я возвращаюсь, чтобы вечно оставаться козлом отпущения?

— Ладно тебе. Делай что хочешь, лишь бы душа была на месте, — сдался Се Цзян. — Раз уж ты всё продумал, мне и подавно незачем сидеть раньше времени.

Они перебросились ещё парой незначительных фраз, после чего менеджер повесил трубку.

В тишине комнаты Нин Цзань едва успел отложить телефон, как в его сознании вновь раздался до боли знакомый механический голос.

[Дорогой пользователь, позвольте поинтересоваться: ради чего вы всё-таки вернулись в шоу-бизнес?]

«Чтобы отдуваться за чужие грехи», — мысленно отрезал Нин Цзань.

[... Что ж, резонно.]

Пока менеджер и его подопечный обсуждали дальнейшие планы, сетевая стихия жила собственной жизнью. Буря в интернете разгоралась с пугающей скоростью, и остановить этот процесс было уже невозможно.

Судя по возрасту маленького Лэлэ, он появился на свет вскоре после того, как Нин Цзань объявил о завершении карьеры.

Если отмотать время назад, выходило, что ребёнок был зачат в тот самый период, когда актёр находился на пике популярности и купался в лучах славы.

С кем он мог близко сойтись в то время?

Сетевые сыщики выдвинули две основные версии. Первая — тайная избранница не имела никакого отношения к шоу-бизнесу. В таком случае докопаться до истины у фанатов практически не было шансов. Вторая же версия будоражила умы куда сильнее: матерью ребёнка могла оказаться его коллега по цеху.

Нин Цзань отсутствовал на экранах чуть больше двух лет. За это время актрисы, с которыми он когда-то делил съёмочную площадку, либо окончательно затерялись на задворках индустрии, либо превратились в ярких звёзд первой величины.

Но даже если тайна так и останется нераскрытой, ушлым журналистам ничто не мешало составить список всех партнёрш Нин Цзаня по кадру. Стоило добавить туда пару имён известных красавиц, как просмотры и клики взлетали до небес.

Заголовки жёлтой прессы пестрели один заманчивее другого:

«Свободный крой двухлетней давности: скрывала ли звезда ХХХ беременность? Вспоминаем всех пассий Нин Цзаня!»

«Тайные роды УУУ? Кто на самом деле подарил наследника знаменитому актёру?»

«Завеса тайны приоткрыта! Имя матери ребёнка Нин Цзаня вас поразит!»

В отличие от блогеров, собиравших крохи сплетен на просторах сети, профессиональные репортёры предпочитали действовать напрямую. Не сумев дозвониться до самого виновника торжества, они оборвали телефон Се Цзяну, требуя раскрыть имя таинственной незнакомки.

Однако на все расспросы менеджер отвечал глухой обороной: знать ничего не знаю, ведать не ведаю, информацией не располагаю.

В конце концов, устав от бесконечных звонков, он решил прояснить ситуацию раз и навсегда и опубликовал на своей официальной странице заявление.

Се Цзян-менеджер V:

«В последние дни мой телефон разрывается от звонков журналистов, жаждущих узнать, кто мать ребёнка Нин Цзяня. Чтобы прекратить эти спекуляции, заявляю официально: пожалуйста, прекратите строить беспочвенные теории. Эта женщина не имеет никакого отношения к индустрии развлечений и уж точно не является одной из популярных актрис. Нин Цзянь — публичный человек, но в первую очередь он обычный отец. Он открыто признал существование сына лишь для того, чтобы избежать грязных слухов в будущем. Сейчас он воспитывает ребёнка в одиночку. Просим проявить уважение к частной жизни и не искать скрытый смысл там, где его нет».

Се Цзян тешил себя надеждой, что этого сухого заявления будет достаточно. Но если бы в шоу-бизнесе всё решалось парой честных фраз, он не назывался бы шоу-бизнесом. Публика лишь сильнее раззадорилась.

Впрочем, для самого Нин Цзяня такое пристальное внимание на старте камбэка оказалось невероятной удачей. В жестоком мире медиа чёрный пиар — тоже пиар, и подобный ажиотаж дорогого стоил.

Продюсеры рейтинговых ток-шоу, вечно гонявшиеся за просмотрами, тут же ухватились за возможность заполучить к себе столь обсуждаемую персону.

Долго ждать не пришлось: уже через пару дней Нин Цзянь подписал контракт на участие в съёмках популярной дискуссионной передачи. Это и стало его первой официальной работой после долгого перерыва.

Правда, главным героем выпуска назначили другого человека, а Нин Цзянь должен был появиться лишь во второй половине программы в качестве приглашённого гостя.

Ему отвели от силы минут пятнадцать эфирного времени. Поскольку поездка обещала быть недолгой, он решил не оставлять маленького Лэлэ дома с няней, а взять его с собой на телестудию.

За кулисами царил привычная суматоха, но в гримёрной было относительно спокойно. Нин Цзянь несколько не сомневался, что его сын, несмотря на нежный возраст, сможет прилежно просидеть на диванчике четверть часа и не натворит глупостей.

Отец искренне гордился послушанием своего сорванца.

И всё же перед самым выходом из дома он присел перед малышом и ласково заглянул ему в глаза:

— Лэлэ, когда папа уйдёт под прицелы камер, ты должен будешь тихонько посидеть в комнате. Не бегай, не шуми и ни с кем не заговаривай без нужды, договорились?

— Угу, я буду вести себя очень-очень хорошо, — пообещал мальчик и, обвив ручонками шею отца, преданно закивал.

— Знаю, что ты у меня умница. За это после съёмок мы обязательно зайдём в кондитерскую и купим что-нибудь вкусненькое, — улыбнулся Нин Цзань, бережно взъерошив мягкие детские кудри.

Услышав заветное слово, Лэлэ так и просиял. Он восторженно округлил глазёнки:

— Папочка, а можно мне мороженое?

— Опять холодное? — Нин Цзань шутливо нахмурился, изображая мучительные раздумья, но в конце концов сдался: — Ладно, так и быть. Но только один укус.

Малыш замер, пристально вглядываясь в лицо отца. Поняв, что тот настроен миролюбиво, он хитро прищурился и несмело выставил перед собой пальчики:

— Нет, два... Папа, давай три укуса!

Его крошечные, пухлые пальчики ещё плохо слушались хозяина. Показать два пальца у него кое-как получилось, но когда дело дошло до трёх, возникли непреодолимые трудности. Средние пальцы никак не хотели разгибаться отдельно, а большой и мизинец то и дело оттопыривались в стороны. В итоге Лэлэ просто растопырил всю ладошку перед самым носом отца.

Едва сдерживая смех при виде этой уморительной картины, Нин Цзань напустил на себя строгий вид:

— Какая жадность! Ну-ка посмотри на свою руку. И сколько же это получается, по-твоему?

Лэлэ обиженно надул губки. Поняв, что правая рука его подвела, он призвал на помощь левую. Однако стоило ему с трудом прижать к ладони большой палец левой руки, как он невольно выпрямлял мизинец. Он пытался согнуть мизинец — и тут же предательски выпрямлял большой палец.

Вдоволь намучавшись с непослушными конечностями, бедный ребёнок так и застыл со скрюченной, похожей на кошачью лапку пятернёй.

— Считай-считай, — продолжал поддразнивать его Нин Цзань, изо всех сил стараясь не расхохотаться. — Сколько там пальцев?

Лэлэ насупился, а в круглых глазках заблестели слёзы.

— Папочка... тут пять, — шмыгнув носом, жалобно пролепетал он.

— Вот именно. Так о каком количестве мы договаривались? Сколько укусов ты просил? — шутливо наседал отец, не сводя взгляда с несчастной ручки сына.

Малышу и в голову не пришло, что заветную цифру можно просто назвать словами, а пальцы тут совершенно ни при чём. Раз уж папа так пристально смотрел на его ладонь, Лэлэ счёл своим долгом победить упрямую жестикуляцию.

Осознав, что три пальца ему сегодня не поддадутся, он умоляюще уставился на отца и пошёл на попятную. Сдавшись под гнётом обстоятельств, он показал два пальчика:

— Хорошо, папа... Тогда давай два.

— Точно два? Не передумаешь? — прищурился Нин Цзань, продолжая гнуть свою линию.

— То-точно... Я съем только два укуса, — послушно закивал Лэлэ.

Мальчик изо всех сил прижался к отцу, уткнулся личиком ему в плечо и отчаянно заерзал, пряча смущение.

В ту же секунду Нин Цзань почувствовал, как за воротник скользнула сырая прохлада.

«Неужели расплакался?» — удивился он.

Да уж, угадать, из-за какого пустяка прольются детские слёзы, порой бывало решительно невозможно.

— Ну надо же, Лэлэ, неужели ты ревёшь? — ласково спросил он, легонько шлёпнув сына по мягкому месту. — Кажется, кто-то у нас тут просто плакса-вакса. Весь воротник мне замочил.

— Я не плачу! И я вовсе не плакса! — сердито буркнул тот из своего укрытия.

Малыш обхватил шею отца ещё крепче, шумно втянул носом воздух и упрямо добавил:

— Но два укуса ты мне всё равно должен!

— Конечно, — улыбнулся Нин Цзань, решив подыграть сынишке и не смущать его расспросами. — Смотри, какая выгода: обычно тебе перепадает всего один укус, а сегодня целых два! Разве это не здорово?

— Ой... И правда! Сегодня целых два! — Лэлэ наконец оторвал заплаканное личико от его плеча и преданно заглянул отцу в глаза. — Только ты пообещал, папа! Смотри не обмани!

— Когда это я тебя обманывал? — притворно обиделся Нин Цзань. Он достал из кармана бумажный платок, бережно вытер мокрые дорожки на щёчках сына, а затем поднёс салфетку к его крошечному носику: — А теперь давай избавимся от лишней влаги. Дуй сильнее! Ф-ф-ф...

— Пф-ф-ф! — звонко выдал Лэлэ ртом.

Нин Цзань не выдержал и расхохотался:

— Да не ртом же! Носом надо, глупыш!

— Я умею, — с самым серьёзным видом надулся Лэлэ и сосредоточенно замер.

— Верю-верю. Ты у меня самый сильный и всё умеешь. Давай ещё разок, — подыграл ему отец, терпеливо поднося платок обратно к его лицу.

— Хм-м-м! — на этот раз из маленького носика действительно вылетел свистящий поток воздуха.

— Вот, отлично. Давай закрепим успех. Ещё разок.

— Хм-м-м!

— Ну вот и всё, чистый носик.

— Пф-ф-ф! — снова хулигански выдал ртом Лэлэ.

— Ты что, озвучиваешь неприличные звуки? — шутливо изогнул бровь Нин Цзань.

— Папочка, это я ртом сделал, вот так!

— Ах, ртом? — прищурился Нин Цзань, издевательски протянув: — Значит, ты своим маленьким ротиком умеешь издавать звуки, точь-в-точь похожие на...

Лэлэ мгновенно сообразил, к чему клонит коварный родитель, и поспешно зажал ему рот обеими ладонями:

— Молчи! Не смей говорить это слово! Плохой папа, вредный папа!

— Да я же ещё слова не вымолвил! За что сразу «вредный»? — умудрился пробормотать Нин Цзань сквозь преграду из тёплых детских ладоней, состроив самую несчастную гримасу, на какую был способен.

Лэлэ открыл было рот для ответной тирады, как вдруг скользнул взглядом за плечо отца. Мальчик мгновенно просиял и восторженно замахал ручкой:

— Милый дядя!

Внутри у Нин Цзаня что-то ёкнуло. Он обернулся и действительно увидел высокую, статную фигуру мужчины, с которым судьба сталкивала его уже не в первый раз.

Громкий возглас Лэлэ эхом разнёсся по коридору. Проходившие мимо сотрудники студии невольно притормозили и с явным недоумением уставились на вошедшего господина. Окрестить Си Шэньчу «милым» мог разве что слепой или чрезвычайно наивный ребёнок.

При одном лишь взгляде на Си Шэньчу становилось предельно ясно: этот суровый, безупречно одетый мужчина с тяжёлой, давящей аурой не имел ничего общего с понятием «милый». Тем не менее Лэлэ упрямо продолжал использовать именно это нелепое прозвище при каждой их встрече.

После того досадного инцидента с пролитым вином Нин Цзань забрал его испорченный костюм, отдал в химчистку и отправил обратно курьерской службой. На этом их пути должны были разойтись навсегда, но судьба, похоже, распорядилась иначе.

Особенно Нин Цзаня поразило то, насколько цепкой оказалась память его маленького сына.

— Нужно говорить «дядя Си», — поспешно зашептал он, пытаясь урезонить расшалившееся чадо.

Си Шэньчу обернулся на звонкий голосок. Заметив знакомую парочку, он замедлил шаг, а затем уверенно направился прямо к ним.

— Дядя Си! — послушно исправился Лэлэ, сияя от восторга.

— Тоже поднимаетесь наверх? — негромко спросил Си Шэньчу. Его глубокий, бархатистый голос звучал ровно. С этими словами он приветливо протянул руки к малышу.

Лэлэ, не раздумывая ни секунды, подался вперёд и охотно перебрался на руки к мужчине. Поудобнее устроившись на его широком плече и обхватив его шею ручонками, он победоносно посмотрел на отца.

— Папа, ну пошли скорее!

Нин Цзань, чьи руки опустели как-то подозрительно быстро, лишь беззвучно приоткрыл рот от изумления.

— Мне как раз по пути. Пойдёмте вместе, — ровным тоном произнёс Си Шэньчу. Примечательно, что держал он ребёнка на удивление уверенно и бережно — куда искуснее, чем при их первой встрече. Складывалось ощущение, будто за это время ему пришлось изрядно попрактиковаться.

Мужчина двинулся вперёд, то и дело склоняя голову к Лэлэ и вполголоса отвечая на его бесконечные наивные расспросы. Их беседа текла так непринуждённо, словно они были давними закадычными друзьями.

Нин Цзань побрёл следом, растерянно глядя на удаляющиеся спины. На душе у него было беспокойно. «И когда это они успели так спеться?» — недоумённо подумал он, чувствуя, как внутри зарождается лёгкое, необъяснимое чувство ревности.

<http://bllate.org/book/19617/2038547>